

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Английский без теней: литература
мирового масштаба

Цель: определить истоки и историю формирования понятия «английский» как культурного института; ознакомиться с основными тенденциями развития и проблематикой англоязычной литературы 2 половины XX – начала XXI веков.

Ключевые слова: английский, литература, критика, империя, идентичность, дискурс, иммиграция, пост-колониализм.

Английский (English) как понятие

«Английский» (English) – название, данное в литературной традиции произведениям, созданным на диалекте юго-восточного региона острова, расположенного у западного побережья Европы. Эти произведения вытеснили «классику», литературу двух полуостровов Средиземноморья, существовавших более двух тысяч лет назад, ту классику, тексты которой составляли образовательную базу и культурный фундамент мужчин Великобритании в конце XIX века.

Вместо Гомера, Эсхила, Пиндара, Сенеки и Цицерона, в настоящее время, ученики читают иную «классику» – Шекспира, Мильтона, Папу Римского, Вордсворта и Элиота.

Эти перемены, возможно, было бы не столь существенными, если бы Великобритания в тот период не являлась центром империи. Именно из-за этого имперского статуса термин «английский» (English) вскоре стал обозначать мощный глобальный культурный институт.

В эпоху Британской империи английский язык (а также французский и испанский) являлся для большей части мира международным языком культурного, политического и экономического общения, и в качестве культурного института обеспечивал предполагаемый универсальный образец, так сказать, правильной жизни. Однако негативные перемены на территории колоний составляли болезненный и жестокий контраст с теми ценностями добра и морали, которые якобы поддерживались и составляли суть английской литературной традиции. Порабощение и перемещение большого числа африканцев на Карибские острова и в Северную Америку стали самым мощным и жестоким примером такой контрреальности. Английский язык использовался для того, чтобы создать «грамотный» и послушный класс колонизированных субъектов, способных совместно с англичанами управлять империей. Насилие, совершенное империей, порождало отрицательную энергию, которая, в конечном итоге, разрушила империю и стала тем семенем, из которого выросли альтернативы так называемому «английскому».

Новая англоязычная литература

Английский (English), как литературная традиция и система учебных заведений, имеет свою историю, и, благодаря положению языка империи, занимает центральное место на факультетах литературы во многих частях мира. Дискуссия по поводу территориально ограниченной значимости или, напротив, универсальности английской культуры могла бы длиться сколько угодно долго, но начался процесс изменения статуса английской литературы, в том числе и потому, что произведения местных литератур из Австралии перемещались в Африку и Северную Америку. Местные англоязычные литературы претендовали на равный статус или даже на полное вытеснение чисто английской литературной традиции. Упомянутые изменения связаны с разрушением колониальной системы и империи во второй половине XX века.

Эти исторические события спровоцировали большие перемены в литературе, в ее обсуждении и преподавании. Появился целый пласт текстов, указывающих на далеко неоднозначные отношения между колонизатором и колонизируемым. По одну сторону разделяющей их линии находятся такие произведения, как «Проход в Индию» Форстера и «Ким» Киплинга, по другую – «Большое Саргассово море» Райса и «Маленькое место» Кинкейда. Каждая колонизированная нация создала свою собственную литературу, которая отражала имперский опыт или пыталась определить пост-имперское чувство национальной и культурной самобытности. В Соединенных Штатах бывшее рабовладельческое население перемещенных

африканцев породило собственную литературную традицию, многие произведения которой, начиная с поэзии Лэнгстона Хьюза и заканчивая романами Тони Моррисон, стремятся осмыслить собственную историю и опыт расизма.

Во всем мире в положении диаспорального проживания народы стремились определить свое чувство культурной и этнической идентичности. В пределах Англии, например, большинство этнических групп пытались контролировать и ограничивать влияние господствующей или доминирующей культуры.

1960-е годы стали периодом огромных преобразований. Английская литература в Англии расширилась, вобрав в себя литературу содружества. В то же время в бывших колониях, подобных Карибским островам, английская культурная традиция стала вытесняться традициями коренных народов. В США эти процессы нашли выражение в возрождении ранее игнорируемой традиции афроамериканского повествования.

Эти изменения содействовали появлению новых подходов в литературной критике. Появились ученые, которые уделяли все внимание европейской традиции и проявляли все больше интереса к пост-колониальным писателям. О возросшем в мире внимании к такой литературе свидетельствует и присуждение Нобелевских премий по литературе Видиадхару Найполу или Надин Гордимер.

Если в результате этих изменений Англия, как империя, потеряла часть своей институциональной власти, то английская культура предстала в качественно новом свете. Будучи связанной с имперским насилием, английская культура больше не могла позиционировать себя носителем высоких и благих ценностей.

Ученые обратили внимание на то, что многие великие произведения английской литературы – от «Калибана» Шекспира до «Миссис Рочестер» Бронте, – способствовали формированию тенденциозных мнений относительно других географических регионов и других этнических групп, что, несомненно, служило определенной цели – пропаганде империи и ее оценочных критериев. Формирование и продвижение имперских взглядов средствами литературы было лишь частью более крупных процессов «дискурсивного строительства» в самых разных формах письма, от романов до научных трудов по географии и филологии, которые представляли другие народы менее цивилизованными, а потому и нуждающимися в помощи со стороны западных патерналистов.

Под тенью

Любые факты проявления доминирования, подчеркивают Д. Ривкин и М. Райан, обычно подстегивают интерес к процессам, направленным на противодействие и сопротивление. Поскольку интерес к колониальной и пост-колониальной литературе возрастал в 1980-х годах, внимание было сосредоточено на сложном взаимодействии между колонизатором и колонизированным, что нашло отражение, например, в коллективном томе «Империя пишет в ответ» (1989). Это взаимодействие характеризовалось как подрывная работа посредством пародии и подражания, а также откровенного подавления.

В 90-ые годы работа в этом направлении, например, в «Черной Атлантике» Пола Гилроя (1993), была смещена от межнациональных или межэтнических границ к пониманию транснациональных и трансрегиональных потоков культуры. От Карибских островов до Нью-Йорка и Лондона «черные» культурные влияния, как правило, не учитывают традиционные литературные границы, и эти новые реалии требуют новых способов вненационального критического мышления.

Значительная часть ранних работ в этой довольно большой и разнообразной области этнических, пост-колониальных и международных исследований была результатом переосмысления учеными, чье критическое видение сложилось под воздействием структурализма и постструктурализма.

Постструктуралисты предполагают, что другие концепции идентичности, от нации или этнической группы до национальной культуры, больше не имеют отношения к трансна-

циональной, мигрирующей культуре и культуре диаспоры. Опыт географического перемещения учит тому, что все якобы устойчивые характеристики места, этноса и национально-политического института являются мнимыми конструкциями, которые вытесняются перемещением. При перемещении образ дома или родины рассматривается как место, с которым этнос в чистом виде может себя идентифицировать.

Критическое внимание к таким понятиям, как изгнание, жилище и диаспора, в значительной степени отражает переоценку постструктурализмом понятия самобытности, а также опыта писателей и теоретиков африканского, азиатского или карибского происхождения, живущих в бывших имперских центрах. Дюбуа впервые сформулировал проблематичный характер такого опыта, когда говорил о «двойственности», о двойном опыте: быть как американцем, так и черным; быть лояльным к нации и в то же время быть жертвой её предрассудков в отношении этнической группы меньшинства.

Для Фанона проблема «двойственности» проявилась в другом виде: это раздвоение переезжающих в имперский центр из колониальной периферии лиц, перенявших имперскую культуру как свою собственную, в том числе и из-за сформированного тем или иным способом чувства неполноценности своей родной культуры.

Новые поколения людей с иммигрантскими корнями не переживают конфликт восприятия имперского центра как дома. В них «двойственность» уступает место восприятию параллельных культур и чувству множественной принадлежности, разных идентичностей, в которых нет преобладания одного над другим. С подобным изменением опыта приходит знание нескольких языков, и это, как заметил Фанон, «не креольский или английский, а и креольский, и английский».

Д. Ривкин и М. Райан задаются вопросом: Что эти перемены означают для английского языка, для English, как культурного феномена и академического института, который несколько веков состоял и до сих пор еще во многом состоит из преподавания национальной традиции? Это означает необходимость переосмысления англоязычной литературы, по крайней мере, литературы XX века. Это переосмысление сформирует новые подходы к созданию американского литературного канона и вместит в себя больше африканских и других литературных голосов.

Но если одним из источников империи была культурная ограниченность, воплощенная в преподавании одной национальной (т. е. английской) литературы, то новая этническая, постколониальная и международная критика приходит к следующему выводу: все национальные литературы, особенно с явно выраженными этническими корнями, отбрасывают свои тени на в прошлом имперскую литературу, и сами оказываются затененными другими литературами. И тогда, заключают Д. Ривкин и М. Райан, ограниченная национальными и языковыми границами английская литература как проект познания общества должна быть пересмотрена.

Национальная ограниченность культур продолжает сохраняться теперь уже в рамках т. н. «международной конкуренции», с мнимой неприкосновенностью идентичности каждой нации или этнической группы. Но, пронизываясь другими культурами и находясь под отбрасываемой ими тенью, английская культура породила миграционное и культурное взаимодействие, а это значит, что будущее английского в Англии, по крайней мере, определённо поликультурное и полиэтническое (если не полиязыковое).

Трансгеография – это культура без национальных границ, которая процветает на взаимосвязях и синкретизме, культура, в которой взаимозависимость заменяет идентичность как определяющий троп культурного производства. И такая новая английская культура, считают Д. Ривкин и М. Райан, является моделью для нового вида изучения литературы, которая была бы одновременно национальной и международной, а не просто национальной или этнической. Речь идет о факультете, на котором студенты могли бы ознакомиться, например, с африканской литературой наряду с английской, и изучать не некую обобщенную культуру или культуру, ограниченную только национальными традициями, а совокупность всех их особенностей.

В поисках утраченного

В конце 1960-х – начале 1970-х годов этничность и раса стали важным новым подходом к изучению литературы в англоязычных академических кругах. Писатели из разных этнических меньшинств – афроамериканцы, американцы-азиаты, латиноамериканцы, коренные американцы и т. д. – рассказывали о жизни «других» в рамках англо-американского большинства, отражая положение этнических меньшинств в обществе, где доминируют культурные взгляды и социальные интересы другой, более крупной этнической группы. В 70-х годах стали появляться академические курсы и программы, которые укрепили понимание важности представления литературы этнических меньшинств.

Афроамериканская литература первой получила широкое распространение. Движение афроамериканцев за гражданские права способствовало новой культурной импульсу, который в 70-ые годы привел к появлению новых курсов и программ по афроамериканской литературе.

Критики и теоретики разработали широкий спектр исследований, направленных на переосмотр и восстановление ранее замалчиваемых явлений афроамериканской культуры. Одни сосредоточились на исторических афроамериканских литературных движениях, таких, как Гарлемский ренессанс; другие изучали точки пересечения белого расизма и «черного» литературного и культурного отклика на него на протяжении всей американской истории; третьи совместили изучение афроамериканской музыкальной культуры и литературы. Во многом их исследовательская работа неотделима от творчества афроамериканских писателей, чьи произведения обогатили литературную традицию. Появление таких авторов, как Амири Барака (более известного как Лерой Джонс), Ишмаэль Рид, Тони Моррисон, Джон Эдгар Уидман и Элис Уокер, помогло развить новую школу афроамериканской литературной критики.

Появление литературных исследований коренных американцев совпадало с возрождением их литературы, начатым в 1968 году публикацией романа Скотта Момадея «Дом, сделанный из рассвета». В конце 60-х и начале 70-х годов движение американских индейцев также привлекло внимание ученых к вопросам, связанным с представленностью коренных американцев в культуре страны. Значительная часть ранних критических работ по местной литературе стремилась к передаче религиозных и мифологических аспектов коренной культуры, существовавшей в устных формах.

Исследователь Арнольд Крюпат использовал современные на тот период литературоведческие методы в изучении коренной литературы, но только в 90-х годах молодые ученые Роберт Дейл Паркер и Карлтон Смит, освоившие новейшие критические подходы, стали описывать явление этой литературы посредством современной терминологии. Их подходы были в большей степени адекватны творчеству более поздних писателей Луизы Эрдрич и Томаса Кинга, изображающих современную жизнь коренных народов Америки.

Латиноамериканские критики также вышли за рамки ранних фольклорных исследований. Работа Америко Паредеса «С пистолетом в его руке» (1958) была одной из первых работ по изучению культуры чикано и содержала наиболее передовые критические теории.

Преодолевая границы

Исследования латиноамериканцев чикано, как отмечают Д. Ривкин и М. Райан, широко освещают мотив границы, учитывая территорию их заселения вдоль границы между США и Мексикой. Постструктуралистские концепции территориальности и гибридности оказались продуктивными для этих исследований. «Пограничная теория», как ее называли, основывается на постструктуралистских теориях непредвиденных обстоятельств, смежности и территориальности.

Успешное появление в 1980-х годах ставших популярными азиатско-американских писателей, например, Максина Хонг Кингстон и Эми Тан, частично объяснялось реализацией Объединенного проекта азиатских ресурсов и публикацией «Антологии азиатско-американских

писателей» в 1974 году. Эти проекты привели к пониманию множественности термина «азиатский американец», который включает китайцев, японцев, корейцев, тихоокеанских, южно-азиатских, вьетнамских и других азиатов-американцев. Это огромное разнообразие азиатско-американских писателей привлекло внимание к ним как продукту транснациональных процессов, таких как колониализм, рабство и иммиграция. Неудивительно, что вопросы культурного плюрализма и этнической идентичности с их внутренними различиями часто выходят на передний план как самые важные для писателей этих азиатских этносов. Все больше азиатских американцев ассимилировались в англо-доминирующее культурное «основное пространство». Действительно, многие художественные произведения, например, самое известное – «Клуб радости и удачи» Эми Тан (1976), сосредоточивают свое внимание на процессе ассимиляции. Возможно, потому, что их собственный жизненный опыт, как и чикано, и коренных американских народов, складывался из опыта иммиграции, исключения, языковой разницы и продолжающейся жизни на линии разлома между доминирующей этнической культурой и их собственной маргинальной культурой. Многие азиатско-американские критики успешно апробируют постструктуралистские теории гибридности, различия и амбивалентности.

Ряд критиков, отмечают Д. Ривкин и М. Райан, подвергают сомнению целесообразность этнической однородности, опасаясь, что доминирующая англо-группа в конечном счете уничтожит разнообразие этнических культур.

О расе по-новому

За последние два десятилетия наметился рост исследований о расе. В 90-ые годы ученые обратили внимание на научные данные о том, что биологические генетические различия не сортируются сами по себе в равнозначно различимые «расы». Раса является скорее культурной и социальной, чем естественной, генетической или биологической общностью. Различные внешние черты, такие, например, как цвет кожи, не являются показателями отдельных расовых идентичностей.

Афроамериканцы, по словам Тони Моррисон, «парии» американского общества. Культура доминирующей американской группы белых есть следствие ущемления других рас, что является предпосылкой сплоченности афроамериканцев как в экономическом, так и в культурном отношении. Результатом этого, как утверждает Моррисон, стало непризнанное, но ощутимое, присутствие «африканизма» в американской литературе.

Новые исследования расы сосредоточивают внимание и на трудах ранних теоретиков расовой теории. В их числе В. Е. Б. Дюбуа, чья работа над «расовой концепцией» стала первой настоящей критикой научного расизма, унаследованного от XIX века. До Дюбуа раса понималась как биологическая категория, и в соответствии с социальной дарвинистской перспективой этот биологический и эссенциалистский взгляд служил оправданием превосходства «белых». Переход Дюбуа к культурологической трактовке категории расы совпал с его пониманием исторических корней расового неравенства, и в этом отношении его исследование чрезвычайно важно для современных теоретиков.

Литературоведы, учитывающие теорию расы, сталкиваются с задачей изучения произведений писателей, работающих в рамках культуры этнической группы, чье существование определяется их внутренней изоляцией. Поэтому закономерно, что эти исследователи сосредоточены на вопросах идентичности: что значит иметь национальное гражданство (страны проживания) и принадлежать к этнической группе, чьи особенности и культура существуют по другую сторону мейнстрима? Как может человек олицетворять собой «свою» этническую культуру? Какова идентичность культуры, раздираемой между традиционными и национальными ценностями и происходящими сегодня в мире переменами?

По мере того, как количество неанглоязычных этнических групп населения в США растет, а культура становится менее подавляюще белой и английской, формируются новые дискурсы. Их развитию в значительной степени способствует деятельность различных ученых, тезисы трудов которых будут представлены в следующих лекциях.

Вопросы для закрепления темы:

1. Каковы, на взгляд Джулии Ривкин и Майкла Райана, пути развития американской литературы и литературной критики?
2. Какое место должны занимать произведения литературы представителей этнических групп в общей американской литературе?
3. Какие мотивы и какая проблематика в этнической литературе привлекают внимание теоретиков и критиков?

Литература:

1. Julie Rivkin, Michael Ryan. Literary Theory: An Anthology. Third Edition. – Город: John Wiley & Sons, 2017. – 1640 p.